

Инна ЗУБОВА

«А БАЛЫ И ПОЭЗИЮ НАДОБНО ВЫКИНУТЬ ИЗ УМА И СЕРДЦА...»

Инна Каримовна Зубова родилась в Ленинграде, детские годы провела в Оренбурге. Окончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. В Оренбурге с 1986 года. Кандидат физико-математических наук, преподаватель Оренбургского государственного университета, краевед. Автор и соавтор (вместе с Г.П. Матвиевской) нескольких книг, публикаций о творчестве и жизненном пути В.И. Даля. Лауреат премии «Оренбургская лира» (2002). Живёт в Оренбурге.

В 1999 году, к 200-летию А.С. Пушкина, Оренбургское книжное издательство выпустило книгу «Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский». Коллектив авторов задумывал эту книгу как сборник документов, писем, воспоминаний. Авторы хотели, чтобы с её страниц зазвучали голоса замечательных людей Пушкинской эпохи. Кроме публикаций, уже встречавшихся в дореволюционных изданиях, в книге были представлены официальные документы и личные письма, найденные в архивах и рукописных отделах библиотек.

К документам, опубликованным здесь впервые, относится, в частности, письмо В.А. Перовского к В.А. Жуковскому, замечательному русскому поэту и близкому другу военного губернатора [1]. Это письмо было обнаружено профессором

Оренбургского педагогического университета А.Г. Прокофьевой в рукописном отделе Российской Национальной библиотеки.

Письмо датировано 21 февраля 1838 г. Напомню, что летом 1837 г. Оренбург посетил девятнадцатилетний тогда наследник Российского престола, будущий император Александр II. Среди лиц, сопровождавших цесаревича в поездке по России, был и В.А. Жуковский, с 1824 г. являвшийся воспитателем наследника.

Поездка дала Василию Андреевичу возможность встретиться со многими друзьями, в частности, во время недолгого пребывания в Оренбурге поэт провёл немало времени и с оренбургским военным губернатором В.А. Перовским, и с его чиновником особых поручений В.И. Далем, с которым Василия Андреевича также связывали близкие приятельские отношения. Как свидетельствует дневник Жуковского, один из вечеров он провёл «у Далевой жены» Юлии Егоровны и встретился там с Екатериной Львовной Соколовой, тогда только что выпущенной из Патриотического института в Петербурге. В тот момент, конечно, никто не мог предвидеть, что двадцатитрёхлетняя жена Даля скоро уйдёт из жизни, а юной Катеньке Соколовой суждено стать его второй супругой...

Вернувшись в Петербург, Жуковский писал Перовскому и Далю и, по всей вероятности, в

этих письмах хлопотал о близком ему человеке, служившем в штате у Перовского. Это, по-видимому, был молодой офицер, не чуждый литературе, которому труд в канцелярии Оренбургского военного губернатора был явно в тягость. Он, несомненно, стремился попасть в столичное светское общество. Вероятно, увидевшись с Жуковским, он просил содействия в перемене места службы.

В письме Перовского мы находим самую нелицеприятную характеристику этого молодого человека. Василий Алексеевич не щадил тех, в ком не находил нужных для службы деловых качеств. Насмешливые и резкие свои высказывания он со свойственным ему изяществом сглаживает только в последних двух искренне тёплых фразах.

«В письме от 2-го февраля писал ты, что прилагаешь просьбу об А..., но между тем к письму ничего не приложено; полагая, что речь идёт об отпуске, я не ожидал никакой просьбы, а прямо вследствие твоего желанья уволил его. — Хропачёву я уже отвечал, что с моей стороны нет никаких препятствий к назначению А... к нему в адъютанты. — Между нами будь сказано, я не полагаю, чтоб из твоего питомца вышло что-нибудь путное по службе; перепрашивается он из Оренбурга совсем не по причине нездоровья, а от скуки, а

скучно ему потому, что он не хочет заниматься. Не знаю, каковы он пишет стихи, я читал только его прозу, которая никуда не годится; он, кажется, более занят своею наружностью, нежели чем другим, а как здесь некому на него любоваться, то и довольно понятно, что ему хочется brillier sur un plus grand théâtre¹.

Мне жаль и досадно, что человек, которым ты интересуешься, не мог возбудить во мне никакого сочувствия; мне, право, было бы приятно, вдали от тебя, перенести на него часть той душевной привязанности, которую питаю к тебе, но к фатам не лежит у меня сердце. – Прощай, обнимаю тебя, будь здоров и не забывай меня.

В. Перовский

21 февраля. Оренбург».

Фамилию, начинающуюся буквой «А», нам в рукописи разобрать сначала не удалось: она там тщательно вымарана. Однако эта загадка получила разгадку, когда мы обратились к материалам о В.И. Дале, опубликованным в Луганске в 1995 г. Речь идёт о трудах пятых Международных дальневосточных чтений, в которых известный исследователь творчества Даля Ю.П. Фесенко впервые полностью обнародовал письмо Даля к Жуковскому от 30 мая 1838 г. [2].

В этом письме, несомненно, говорится о том же человеке. Даль пытается смягчить впечатление от резких высказываний Перовского, объясняя причины его отношения к «питомцу» Жуковского. Владимир Иванович явно беспокоится, не вызвал ли резкий отзыв Перовского обиды у Василия Андреевича. Он в какой-то степени оправдывает этого «питомца» тем, что служба в канцелярии военного губернатора тяжела и утомительна и не всякому под силу. В то же время сам Перовский выполняет служебные обязанности с полной самоотверженностью, берёт на себя многое из того, что могли бы выполнять подчинённые, поэтому, конечно, имеет право на весьма требовательное к этим подчинённым отношение.

Из письма выясняется, что фамилия молодого человека – Арбенин. И действительно, её можно прочитать, внимательно всмотревшись в фотокопию рукописи Перовского. В своих примечаниях Ю.П.Фесенко с полным основанием предполагает, что это родственник Жуковского по линии его племянницы А.Н. Арбениной, урождённой Вельяминовой. Тема Арбенина составляет значительную часть письма Даля, но именно эта часть никогда ранее не публиковалась. Обычно цитировалось начало письма, где обсуждается важная для обоих писателей проблема. Жуковский

1 Блистать на более широкой сцене

при встрече в Оренбурге попросил, чтобы Даль нашёл для него какой-либо «местный» сюжет, который можно было бы положить в основу поэмы или баллады. Даль обещал. Он долго думал над этой просьбой и, наконец, сел за письмо, убедившись, что выполнить её не может. Поэт, не знающий жизни народов края, по его убеждению, не сумел бы написать по-настоящему правдивого литературного произведения.

«Я обещал Вам основу для местных, здешних, дум или баллад; уток был бы Ваш, а с ним и вся отделка. Я не забывал этого обещания, может быть, ни одного дня со времени Вашего отбытия, а между тем – обманул. Но дело вот в чём, рассудите меня с собою сами: надобно дать рассказу цвет местности, надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства, чтобы положить резкие тени и блески света; иначе труды Ваши наполовину пропадут; поэму можно назвать башкирскою, кайсацкою, уральскою, – но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье. А каким образом могу я передать всё это на письме? Я начинал несколько раз, у меня выходила предлинная повесть, а между тем далеко не всё было высказано, что могло быть нужным и пригодным: Вам нельзя пригонять картины своей по моей

рамке, а мне без рамки нельзя писать и своей! На словах это может сделаться, Вы бы спрашивали о том, что Вам показалось бы нужным, а без этого одна черта, одно слово могут испортить всё творение – этого греха я на душу не возьму! Может быть, я ошибаюсь, может быть, меня одолевает мономания народности – но, ей-ей, я не в состоянии сделать дело наполовину, я бы упрекал себя во всём, что могло бы показаться недостаточным или неверным; Вашими стихами надобно обрабатывать только вещи по содержанию ценные и верные».

Объяснившись на эту тему, Даль затем пишет:

«Зная, сколько Вы любите Арбенева, и помня хорошо всё, что Вы мне наказывали, я, кажется, обязан сказать по делу его несколько слов: жаль было бы, если бы какое-нибудь недоразумение заткало его паутиною своею и чьи-нибудь отношения от этого изменились. Мне кажется, что здесь просто никто не виноват; должность старшего адъютанта – одна из скучнейших должностей на белом свете, если Бог кому не дал особенного к ней призвания. Надобно сидеть, день за день, и писать начерно однообразные донесения и предписания, на листе законного формата, форменным складом и слогом,

надобно верить и прикидывать на счётах, по целым дням, прескучные и пресухие счета, надобно прочитывать глазом корректора и с ангельским терпением его чистописанные бессмысленные наборщики, наших писарей, которые десять раз в один день готовы написать на себя приговор: «высечь плетью» – и не будут даже подозревать, что дело это касается их довольно близко; номер, число, каждая строчка, каждое слово, ширина полей, расстановка строчек – всё это дела капитальные, и всякое противу них преступление – уголовное; тут пищи для ума и сердца ни на копейку, а балы и поэзию надобно выкинуть из ума и сердца и закабалить себя на сухоядение. Немудрено, что всё это не могло вспаленить воображение Вашего поэта; оставалось или делать дело как-нибудь, предоставить писарям и отдать им книги в руки, или признаться, что это не наша рука, и искать чего-нибудь своего. Вот всё дело; если к этому ещё сказать, что на беду в дежурстве и других хороших работников не было, что бедный Василий Алексеевич с тех пор, что он в Оренбурге, не один десяток ночей² просидел до белого света и делал сам то, чем в хорошо устроенном

дежурстве едва ли займётся дежурный штаб-офицер, о начальнике штаба и говорить нечего, то Вы, конечно, не попеняете на него: благороднейший из благородных, он готов на вечное самоотвержение в пользу ближнего и подчинённого, это я видел сто раз, но ничего так не боится, как пристрастия к роденьке и приятелям – и у нас, где обстоятельство это – настоящий рок Царской службы, ей-Богу, нельзя довольно избегать его, и позволено пугаться его ребячески, как лешего в лесу. Не прогневайтесь, Василий Андреевич, я сказал, что думаю».

Затем Даль добрыми словами вспоминает встречи в Оренбурге с Жуковским и Пушкиным:

«Часто, часто вспоминаем мы благодатное посещение Наследника, часто вспоминаем Вас. И Вы, и Пушкин были в Оренбурге: в этой конечной точке оседлого быта России, где свет заколочен дращицами и откуда нет дороги никуда, кроме в Хиву или Бухару, или назад в Россию».

Даль заканчивает это письмо печальными сведениями о своей жене, которая была уже тяжело больна. Она умерла в июне, так что письмо было написано совсем незадолго до её смерти.

«Бедная жена моя, которая просит пожелать Вам много добра и радости, лежит уже два с лишком месяца; страшно

2 Подчёркнуто Далем

подумать, чем это может кончиться, а между тем – нечего больше делать, как выжидать смиренно и богобоязненно конца. Все медики Оренбурга собираются у меня, бедующего, почти каждый день и – каждый день вспоминаю я незабвенное двоестиишие Шиллера:

*Einzeln sind sie euch alle leidlich
geschick und vernünftig –
Sind sie beisammen – gleich wird
sich ein Dummkopf daraus!*³

Толкуют, толкуют, и более ничего.

С душевным уважением и глубочайшим почтением, остаюсь по смерти верным и преданным Вам.

В. Даль».

Эти два письма, касающиеся одного и того же человека, характеризуют как совместную работу Перовского и Даля в Оренбурге, так и отношения их обоих с Василием Андреевичем Жуковским.

Литература и источники

1. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Воспоминания. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. – С. 177-179.

2. Фесенко Ю.П. Неопубликованное письмо В.И. Даля к В.А. Жуковскому // Пятые Международные Далевские чтения. Тезисы, статьи, материалы. Луганск, 1995. С. 171-174.

³ Смысл этой эпиграммы Шиллера таков: члены научного общества умны каждый в отдельности, но глупеют, когда собираются вместе